

День за днем Анатолий Аграновский, современный писатель

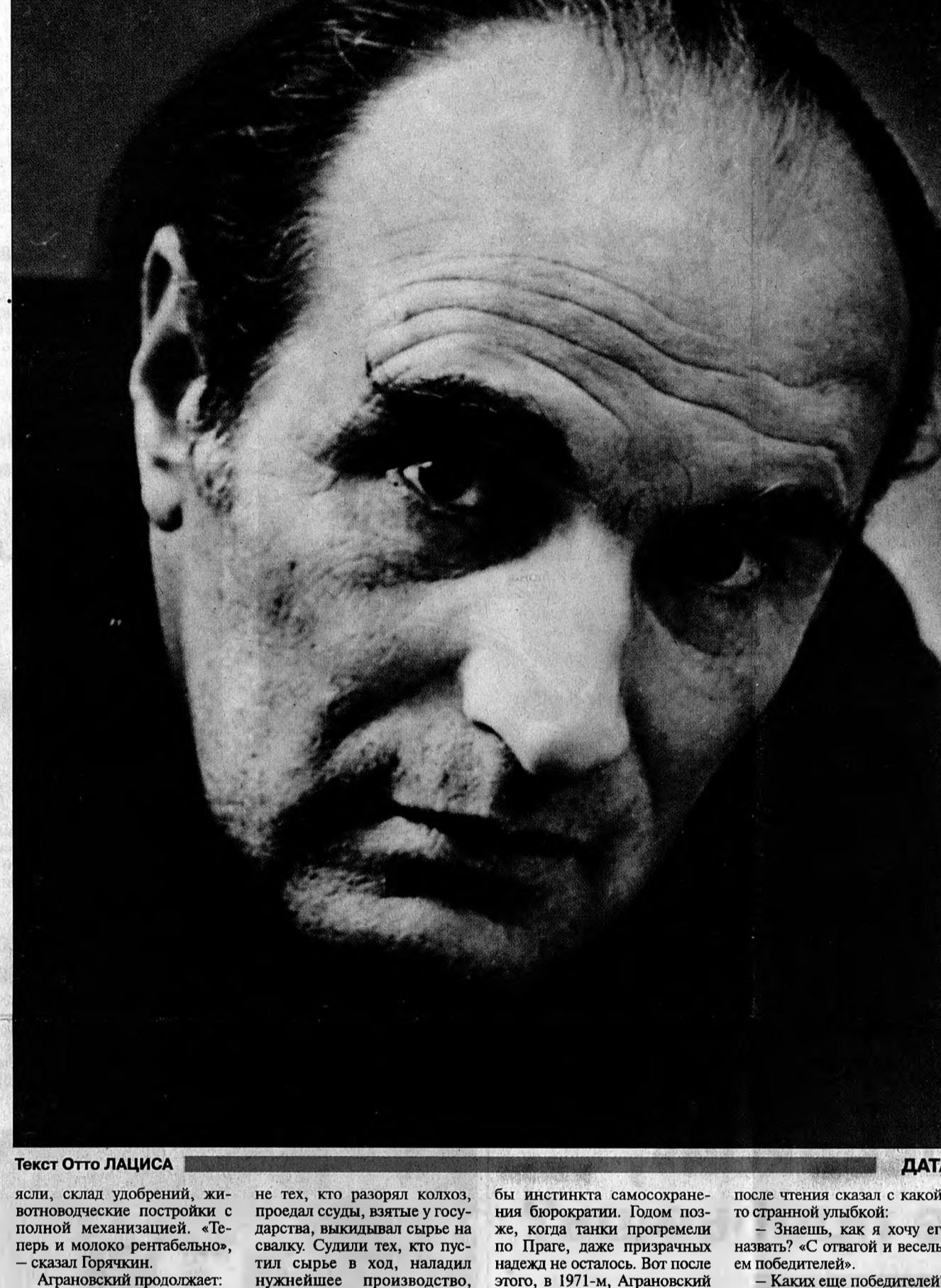
Двадцать лет назад умер Анатолий Аграновский. Выходит, выросло уже целое поколение читателей, не знающих, как это было: раскрывать газету и первым делом искать, нет ли в номере очерка Аграновского, который обязательно станет событием для миллионов людей.

А еще десяток лет назад ссылка на Аграновского была актуальным аргументом в спорах внутри тогдашней редакции «Известий». Это было короткое время, когда «Известия» были независимы не только от государства, но и от капитала: с 1992-го до весны 1997 года контрольный пакет акций принадлежал журналистам. Мы имели возможность делать газету по своему разумению, но не так просто оказалось понять, чего мы сами хотим. «Толя писал не так», — это звучало самым тяжелым упреком в устах некоторых коллег. Я принадлежал к числу тех, кто оправдывался: вся жизнь изменилась, сам Толя не стал бы сейчас писать также, как тогда. Его очерки при этом не перечитывали: казалось, что помним наизусть. И точно помнили, какой ценой преодолевались цензурные препоны. Как приходилось портить написанное, чтобы обеспечить «проходимость». Стоит ли к этому возвращаться?

Ну и дураки же мы были! Не было надобности оправдываться, объясняя, почему Толя писал не так. Были все основания твердо отвечать: Толя писал именно так. Я снова перечитал «Суд да дело»: более современное произведение трудно представить. Никакая вата обязательных ссылок на мудрые решения «партии и правительства» не может скрыть главного: тогда, в 1967 году, спецкор правительенной газеты Анатолий Аграновский утверждал и защищал рыночные свободы и свободолюбивых деловых людей — и нужны нет, что запрещенное слово «рынок» он никогда не употреблял.

Напомню для тех, кто ту эпоху не знал или забыл: между 1964-м, когда оборвалась хрущевская «оттепель», и осенью 1968-го, когда вторжение в Чехословакию обозначило начало застоя, уместилась короткая эпоха рабских надежд. «Косыгинская» реформа уже была объявлена, но еще не была приущена. На деле самым реальным оказалось ее деревенское ответствие: колхозам были дозволены подсобные промыслы. Они стали своеобразным провозвестником будущей «кооперативной реформы» горбачевской эпохи. Вся бюрократия, нутром чувствуя угрозу своей власти, кинулась их душить, вся тогдашняя демократия кинулась их защищать. Многих председателей, поверивших этим росткам свободы и возможностей вытащить свои колхозы из нищеты, сняли с должностей, исключили из партии, многих посадили в тюрьму. Аграновский описал суд над людьми из колхоза имени XX партсъезда Подольского района Московской области. Читая сегодня его «Суд да дело» и диву даюсь: будто сегодня написано, идет борьба тех же идей, таких же людей, разве только пропагандистские одежду изменились — да и то самую малость.

Сельскохозяйственная деятельность была убыточной ввиду установленных в плановом порядке низких закупочных цен. Можно было и при низких ценах вести хозяйство прибыльно, но для этого требовалось вложить деньги в новые технологии. А денег не было ввиду убыточности производства. Замкнутый круг. Так строилось общество, в котором была Продовольственная программа, но не было продовольствия. Разрешение (только лишь разрешение!) заводить на селе свою промышленность дало надежду предпринимчивым людям. Председатель колхоза Горячкин нанял бригаду пришлых людей (их обычно называли «шабашниками»), которые взялись устроить в колхозном сарае промышленный цех: из заводских отходов (только из отходов, кондиционных материалов им не полагалось) на реставрированном старом оборудовании делали нужный товар: электрические рубильники на мраморных штаках (обломки мрамора — со свалки на метростроевском заводе). Прибыли направили на развитие сельскохозяйственного производства. Горячкин отчитывался в суде как на партхозактиве: построили овощехранилище, пруды с зеркальными карпами, водопровод в трех селах, детские

Текст Отто ЛАЦИСА

ясли, склад удобрений, животноводческие постройки с полной механизацией. «Теперь и молоко рентабельно», — сказал Горячкин.

Аграновский продолжает:

«— Ну хорошо, сказала, выслушав Горячкина, судья, молодая еще, миловидная женщина. — А теперь вы подняли колхоз?

— Можно считать, да.

— Так пора уже вам, коммунисту, кончать с этим... С этой вашей частнопредпринимательской деятельностью.

Горячкин помолчал.

— Нет, — сказал он. — Рановато еще. Надо погодить.»

Это написано не сегодня, а 37 лет назад. Про басмансое правосудие в те времена не слыхивали. Но женщина из Подольского суда уже всё знала и умела. То есть бороться с бедностью она не смогла, но с богатством — за милую душу. Всё предъявили людям, которые озолотили бедный колхоз, не взяв ни копейки у государства: и «организованную преступную группу», и «хищение в особо крупных размерах». И самый главный мотив, нашедший особый отклик в публике, заполнявшей зал суда: они очень много зарабатывали. Судья, не устававшая воспитывать стоявших перед ней людей дела, объяснила с предельной убедительностью: у нее, у судьи, оклад 110 рублей, а они зарабатывали больше двухсот. Публика соглашалась: до двухсот — честно, больше — нечестно.

И находить хищение в том Подольском суде умели ничуть не хуже, чем в судах нынешних. Это для простых людей было бы трудно ответить на вопрос, в чем же хищение, если ни у кого ничего не убыло, а везде только прибыло. А для тогдашних подольских следователей, как и для нынешней прокуратуры, проблемы не было. Аграновский писал: «Уникальное открытие подольских экспертов состоит в том, что заводские расценки на изготовление рубильников ниже, чем в колхозном сарае. То есть в большом цехе с настоящими станками, вентиляцией, охраной труда и т. д. зарплата рабочим (инженеры, снабженцы, бухгалтеры, ОТК и проч. в расчет не брались) была бы меньше, нежели та, которую выплатил колхоз. Разница и составила за три года 36 тысяч рублей.»

Еще из очерка: «О бесполковости! Судили в Подольске

не тех, кто разорял колхоз, проедал ссуды, взятые у государства, выкидывал сырье на свалку. Судили тех, кто пустил сырье в ход, наладил нужнейшее производство, озолотил колхоз. И какой-нибудь бездельник, заваливший не одно важное дело, мог ходить в порядочных да еще, пожалуй, поглядывал свысока на этих оборотистых, которые дела поднимали и вытягивали.»

Уголовное преследование в отношении Горячкина было прекращено не по обстоятельствам самого дела — вина его у суда сомнений не вызывала. Оно было прекращено потому, что Горячкин оказался депутатом сельсовета, а по закону депутата можно было судить только с согласия Совета. Сельсовет же на просьбу суда отказал, что само по себе было не рядовым случаем.

Не рядовым был и автор очерка. Нет, ему не могло послужить защитой то, что он был лучшим журналистом страны. Не могла его защитить от партийных чиновников — вплоть до членов Политбюро — и редакция правительенной газеты, в которой он работал. Уникальным защитником для Аграновского был Георгий Цуканов, помощник Брежнева, которому Аграновский время от времени помогал писать речи вождя. Но в данном случае это помогло только отбиться от нападок на очерк, посвященный защите Горячкина, которого и без того отбил у судей сельсовет. Зато для Ребрикова спасения не было. Ребриков — это был тот самый нянитый Горячкиным бригадир «шабашников», который и организовал всё дело. Предприниматель, говоря сегодняшним языком. Он был осужден, на прямую защиту его не мог пойти и Аграновский, который лишь попытался, сколько мог, возбудить у читателей симпатии к человеку дела и возмущение самой нелепостью судилища. В те годы осуждены были десятки тысяч таких «частных предпринимателей», которых не сразу освободили даже после того, как частное предпринимательство в новой России было узаконено.

Однако в 1967 году, когда написан был очерк «Суд да дело», борьба за реформы еще продолжалась, сохранялись призрачные надежды на победу здравого смысла или хотя

бы инстинкта самосохранения бюрократии. Годом позже, когда танки прогремели по Праге, даже призрачных надежд не осталось. Вот после этого, в 1971-м, Аграновский вернулся к теме предпринимчивых людей, ставшей уже совсем «непроходной». Он написал о латвийском колхозе «Адажи», прославившемся успешным развитием подсобных промыслов.

Одним из эпизодов этого очерка была история теплиц с пленочным покрытием: оно оказалось дешевле стеклянного, а огурцы под пленкой росли лучше. Но не стала пленки ее расхватали, когда другие колхозы узнали об опыте «Адажи». Нашли завод, который не знал, куда девать бракованную, рваную пленку, даже пытались вывести бактерий, чтобы ее поедали. Председатель колхоза Кукалис сказал:

«Но атомы-то в ней цели! Колхоз наладил установку по производству новой пленки из отходов, продавал пленку желающим по всей Латвии. «Год

назад, — писал Аграновский. — Херсонская область просила полиэтилен в Госплане СССР, а фондов не было; тогда позвонили в «Адажи», и колхоз помог, выделил двадцать тонн.» Провозвестники рынка сделали то, чего не могло пла-

новое хозяйство.

Перед тем, как сдавать очерк про «Адажи», Толя прочитал его мне — была у него привычка проверять работу сначала на своих друзьях. И

DATA

после чтения сказал с какой-то странной улыбкой:

— Знаешь, как я хочу его назвать? «С отвагой и весельем победителей».

— Каких еще победителей?

— Да я вот вычитал у Тита Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «Сегодня мы будем сражаться с отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «Сегодня мы будем сражаться с отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «Сегодня мы будем сражаться с отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «С сегодняшними победителями».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «С отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «С отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «С отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «С отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «С отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «С отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «С отвагой и весельем победителей».

— Да я вот вычитал у Тита

Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «С отвагой и весельем победителей».